

Голос семейных ценностей

В Пушкинском музее началась музыкальная программа «Декабрьских вечеров Святослава Рихтера»

Концерт-открытие фестиваля этого года (его девиз: «Гармония и контрапункт. Россия — Германия. XIX век») был подан в Белом зале Пушкинского как образцовый немецкий вечер камерного пения с участием двух молодых певцов — братьев Кристофа Генца (тенор) и Штефана Генца (баритон).

Июль 2003 - Идея - с - 13

Михаил ФИХТЕНГОЛЬЦ

Сознательно остановив свой выбор на абсолютно неизвестных московской публике дуэтах Мендельсона, Шумана и Брамса, объединенных в рамках одного вечера, организаторы фестиваля задали предстоящим празднествам верную интонацию. Именно «лидерабэнд», или «вечер камерной вокальной лирики», как коряво называют этот жанр в России, в первую очередь символи-

зирует эпоху австро-немецких романтиков. В непритязательном домашнем музицировании, под тихий восторг домочадцев и потрескивающие поленья в камине находили отдохновение тысячи и тысячи немецких граждан, и именно из этой среды вышел тот человек, которого называют первым романтиком в истории музыки — Франц Шуберт.

В советские годы Шуберт и его многочисленные эпигоны звучали в домах интеллигенции (уже под треск не камина, а винило-

вых пластинок), пару раз к нам приезжали корифеи немецкого камерного вокала, вроде Петера Шрайера или Германа Прея, но что случилось с этой традицией ныне, когда в эпоху глобализации всем уже не до милых песенок в семейном кругу, в Москве представляли себе не очень хорошо.

С выходом на сцену молодых и лукаво улыбающихся Генцев в компании с маститым британским пианистом Роджером Виньолесом все стало на свои места. Оба брата, любимые ученики тех самых корифеев прошлого (а именно Дитриха Фишера-Дискау и Элизабет Шварцкопф), за два часа отведенного им времени сумели удивить не столько вокальными подвигами (которых простенькие

напевы Мендельсона и Шумана вовсе даже и не предполагают), сколько безупречным владением самим жанром. Высокий мягкий тенор Кристофа и бархатистый баритон Штефана, сливающиеся в благозвучный дуэт, в этом репертуаре чувствуют себя столь вольготно, что человек непосвященный невольно насторожится: кажется, певцы не поют, а напевают, и вовсе не для публики, а для себя и собственного удовольствия. На самом деле их непринужденные манеры, стрельба глазами и молодецкий задор — тонкая игра и не более, ибо хорошее исполнение Lieder требует полной концентрации сознания, филигранной дикции и фанатичного внимания к смысловым оберто-

нам текста, которые мгновенно получают отражение в музыке. На то, чтобы показать себя и свое «золотое горло», времени не предусмотрено, и поэтому пение Генцев так разительно отличается от того, что делают их российские коллеги.

Пожалуй, кроме как на «Декабрьских вечерах» в окружении полотен Менцеля, Иле, Тропинина и Коровина, такую пару невозможно было вообразить ни в одном другом столичном зале. Несмотря на громкие имена композиторов, привезенная Генцами программа не содержит ничего особенно выдающегося — за исключением двух дивных брамсовских адажио, вся вереница дуэтов представляла собой впол-

не традиционные образцы домашнего музицирования (в этом они по-своему соприкасаются с живописью того времени, ориентированной не на снобов, а на обывателей). Однако уютные созвучия романтиков, обезоруживающая искренность певцов и теплый прием публики сводят на нет ситуацию концерта, превращая происходящее в тихие семейные посиделки под мягкий свет двух торшеров у сцены. И если с течением времени домашняя забава сумела стать одним из самых утонченных жанров мировой музыкальной культуры, значит, пора вспомнить и первоначальное значение так нелюбимого нами слова «бюргер» — всего лишь «горожанин».